

Глаза Корнелиуса расширились, а затем на его лице появилась злобная ухмылка, и он оглядел авроров, наблюдавших за перепалкой между министром и Мальчиком-Который-Выжил. "Вы все его слышали! Он признал это. Арестуйте его!"

Не обращая внимания на бормотание "по-моему, это похоже на самооборону" со стороны более чем одного аврора, Гарри лишь рассмеялся: "Арестован за то, что защищал себя перед лицом Убивающих проклятий. Даже ты не можешь быть настолько тупым, Фадж. Даже если это люди, которые платят за то, чтобы ты оставался на посту, даже ты не можешь поверить, что можешь признать меня виновным в каком-либо преступлении".

Когда никто не бросился исполнять его волю, Фадж повернулся и закричал на авроров, которые смотрели на него как на сумасшедшего: "Я - министр! Арестуйте его или лишитесь работы".

Только один из авроров медленно подошёл к Гарри, когда мальчик в недоумении уставился на министра.

Все были удивлены тем, что мальчик не сдвинулся с места ни на дюйм, пока аврор защёлкивал на запястьях Гарри магические наручники, которые, как Гарри помнил, демонстрировал Грюм на уроках в том году. Теоретически такие наручники подавляли магию человека и не позволяли ему использовать какие-либо магические способности. Гарри чувствовал, что чем дольше наручники оставались на месте, тем сильнее они истощали его, хотя он инстинктивно понимал, что они лишь подавляют его магические способности. Это было скорее раздражением, чем чем-либо еще.

Гарри лишь жалел тех, кто верил, что эти маленькие полоски металла с рунической гравировкой позволят Фаджу скрыть истинные события этой ночи и заставить его спокойно уйти в ночь без боя.

Корнелиус Фадж сейчас практически слюной исходил от того, что, по его мнению, должно было стать легкой чередой событий, которые в конечном итоге приведут к тому, что его мир снова станет правильным. "Думаю, пребывание в Азкабанах научит тебя уважать своего министра, мальчик!"

Впервые на лице Мальчика-Который-Выжил появилось уродливое выражение, и все, кроме Фаджа, поняли, что с последними словами министра что-то кардинально изменилось. Авроры, недавно прошедшие Хогвартс, узнали усмешку, которой мог бы гордиться Сёверус Снейп, а сам он, присутствующий рядом с Дамблдором, и вовсе испытал чувство уязвленной гордости, увидев выражение лица своей обычной жертвы.

"Я никогда не буду уважать идиота". Гарри выплюнул в ответ, потеряв всякую сдержанность и желание быть вежливым или уважительным по отношению к мужчине, и отвернулся, не обращая внимания на то, как тот надулся.

Гарри посмотрел на Дамблдора, не зная, чего он ожидает от директора, и скорее из

любопытства, чем из чего-либо еще. Учитывая предыдущее поведение старого волшебника, он ожидал от него какой-нибудь банальности или чего-то подобного. Он понимал, что сейчас, когда все знают о существовании Волдеморта, Альбус Дамблдор не может позволить себе отказаться от Гарри, и полагал, что старик будет вынужден вмешаться в ситуацию.

Судя по тому, как родители описывали ситуацию, старик посвятил годы осуществлению своих планов, и нельзя было допустить, чтобы подобная "обезьянья гаечка" пустила корни и повлияла на его цели.

Однако Дамблдор лишь печально посмотрел на него и покачал головой: "Гарри, мальчик мой, таким поведением ты ничуть не помогаешь делу, даже после того, как тебя нашли на месте такого ужасного преступления..."

"У меня не было выбора. Или я, или они". жестко сказал Гарри, правильно поняв, что разочарование директора связано исключительно с гибелью Пожирателей смерти вокруг них.

"Мой мальчик... выбор есть всегда", - сказал старик с раскаянным видом, как будто собирался заплакать. "Всегда есть выбор между тем, что правильно, и тем, что легко, и тебе придется столкнуться с последствиями сделанного тобой выбора. Боюсь, я не смогу защитить тебя от этого".

Гарри поднял голову и несколько секунд смотрел в глаза Дамблдору, его кулаки сжимались всё сильнее и сильнее, когда последние остатки уважения, которое он испытывал к старшему волшебнику, рухнули, и он почувствовал, как нарастает его ярость. Однако вместо того, чтобы кричать о несправедливости происходящего, он отреагировал совершенно иначе.

"Защитите меня, директор?" - спросил он с обманчивой мягкостью. Мягкость, которую все присутствующие инстинктивно распознали как нечто изначально неправильное. Это было похоже на то, как если бы пружина, которую закрутили слишком туго, потеряла все свое напряжение. Пружина, свернутая после того, как на нее были наложены годы или крутящий момент.

Пружина, которую все они теперь жалели, что никогда не раскручивали.

"Когда ты защищал меня?" спросил Гарри с праздным любопытством, не дожидаясь ответа. "Ты не защитил меня, когда на первом курсе у вас преподавал одержимый Волдемортом профессор".

"Ты не защитил меня от василиска, бродящего по коридорам школы на втором курсе. Вы ничего не делаете, чтобы остановить издевательства и жестокое обращение с учениками, такими как Драко Малфой... черт, вы даже не останавливаете издевательства со стороны учителей". Гарри невозмутимо продолжил. "Ты не защитил меня от своего любимца Пожирателя смерти Снейпа каждый раз, когда он решал обругать меня и помучить из-за моих родителей. Родителей, в смерти которых он несет прямую ответственность".

Снейп побледнел еще больше, чем обычно, и просто уставился на Гарри в бессильной ярости и неверии. Дамблдор выглядел не менее изумленным, чем все остальные, когда узнал, что Гарри знает эту информацию.

"Конечно, это почти повсеместно относится и к остальным ученикам школы, не так ли? Ты ведь тоже не защитил их от жестокого учителя или учеников". Гарри медленно покачал головой.

"Однако я должен поблагодарить вас за то, что вы разъяснили свою позицию в отношении моей жизни", - сказал Гарри, его голос был слишком спокойным и мягким. Его руки были зажаты магическими наручниками. Он на мгновение задумался: "Что правильно, а не что легко? Интересный оборот речи".

"Конечно... правильным было бы не держать меня с тетей и дядей первые десять лет моей жизни в надежде, что я буду робким и податливым, как ваш идеальный маленький мученик". тихо сказал Гарри. "Счастлив, что каждый год мне давали отсрочку до Хогвартса, где я был бы вам ох как благодарен".

Глаза Гарри были прикованы к лицу Дамблдора, и выражение его лица подтверждало все, что он говорил.

"Правильно было бы не разрешать мне участвовать в турнире в этом году в надежде спровоцировать еще одно противостояние между мной и Волдемортom". Гарри заявил почти безразлично. "То, что вы пытались сделать три из последних четырех лет, надеясь исполнить пророчество..."

Дамблдор выглядел так, будто его ударили кулаком по кишкам: его рот открывался и закрывался, а лицо полностью побледнело от слов Гарри. Но прежде чем он успел что-то сказать, Гарри прервал его.

"Правильно было бы не допустить, чтобы еще один профессор Защиты от темных искусств попытался меня убить. Значит, три из четырех. Возможно, было бы и четыре, если бы Локхарт умел пользоваться чем-то, кроме чар памяти", - голос Гарри становился все громче и сильнее.

Дамблдор растерялся и не знал, что ответить. Это был не тот Гарри Поттер, с которым он привык иметь дело. Гарри, когда сталкивается с авторитетами, должен быть покорным и робким. Он должен быть готов сделать все, чтобы угодить им. Мысль о том, что ему грозит тюремное заключение, должна была стать слишком тяжёлой для мальчика, и он почти отключился от жизни, поскольку события развивались быстрее, чем он мог их исправить.

Но Гарри каким-то образом обладал знаниями, которые тщательно скрывал от мальчика. Он не мог не задаться вопросом, не открыл ли ему эту информацию Волдеморт.